

УДК 72.03 (470.40)

Г.Г. Нугманова – кандидат искусствоведения, заместитель директора Казанского представительства
Научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства
Российской академии архитектуры и строительных наук (НИИТАГ РААСН)

**ЕВРЕЙСКИЙ МОЛИТВЕННЫЙ ДОМ В КАЗАНИ
В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена взаимоотношениям российской имперской власти с проживающими на территории России инородцами на примере государственного регулирования в области культового зодчества. История проектирования еврейского молитвенного дома в Казани чрезвычайно показательна и отражает реальные взаимоотношения властей разных уровней с иноверцами, которые носили порой драматический характер. Работа основана на новых архивных текстовых и графических документах, впервые введенных автором в научный оборот.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Российское архитектурно-строительное законодательство, архитектура, культовое зодчество, синагога, еврейский молитвенный дом.

G.G. Nugmanova – candidate of fine arts, deputy director
Kazan branch of the Research Institute of the Theory of Architecture and Town Planning of the
Russian Academy of Architecture and Building Sciences (RITATP RAABS)

**THE JEWISH PRAY-HOUSE IN KAZAN IN THE CONTEXT
OF RUSSIAN ARCHITECTURE AND CONSTRUCTION LEGISLATION**

ABSTRACT

The article is devoted to the interrelationships between the Russian Empire power and non-Christian population of Russia with the example of state regulation in the field of cult architecture. The history of the Jewish pray-house planning is utterly significant, and reflects the real interrelationships between the authorities and non-Christian population of Russia, which were dramatic sometimes. The work is based on new archive documents, which were firstly used as the scientific ones by the author.

KEYWORDS: Russian architecture and construction legislation, architecture, cult architecture, synagogue, Jewish pray-house.

Известный указ Екатерины II от 17 июня 1773 г. объявил о «веротерпимости» в многонациональной и многоконфессиональной Российской империи. Однако проводимая властями политика веротерпимости отличалась неоднозначностью по отношению к разным конфессиональным группам населения. При наличии нескрываемых предпочтений по отношению к государственной религии – православию, российское государство считало необходимым демонстрировать лояльное отношение и покровительство к другим конфессиям – христианским не православного исповедания (их называли инославными), а также нехристианским, т.е. иноверческим. Документы свидетельствуют, однако, что в реальности взаимоотношения религиозных общин и властей разных уровней носили непростой, порой драматичный характер. Наиболее остро складывались отношения государства с иноверцами.

Данная статья посвящена истории проектирования еврейского молитвенного дома в Казани, чрезвычайно показательной и отражающей реальные взаимоотношения власти с иноверцами. Она основана на новых архивных текстовых и графических документах, впервые введенных автором в научный оборот и рассмотренных в контексте российского архитектурно-строительного законодательства в ряде работ [1, 2].

Область культового зодчества относилась к той сфере архитектурно-градостроительной деятельности, которая подлежала государственной регламентации. Для иноверческих храмов регламентация в первую очередь касалась их расположения относительно православных церквей: не ближе 100 саженей в случае, если они находились по одной улице, и не ближе 50 саженей – на разных улицах. Строительное законодательство не диктовало архитектурный облик еврейских синагог и молитвенных домов [3].

В связи с расширением в период правления Александра II территории проживания евреев в 1868 г. министр внутренних дел получил право, не испрашивая Высочайшего дозволения, самолично разрешать учреждение молелен с правлениями при них «для заведования внутренним устройством и хозяйством». Но вопрос этот решался в каждом случае отдельно по представлению губернского начальства.

Казанские евреи, проживавшие в Казани с николаевских времен и имевшие молитвенные дома в наемных помещениях, впервые обратились к губернатору с просьбой разрешить открыть молельный дом только в 1889 г. Ходатайство было отклонено ввиду незначительности, по мнению губернатора, еврейского населения, а также «разнородности религий, живущих в г. Казани». Прошение, поданное в 1895 г., вовсе осталось без ответа. В следующем 1896 г. еврейская община вновь обратилась к губернатору с ходатайством о представлении ее просьбы на благоусмотрение министра внутренних дел. Евреи указывали на тот факт, что большинство городов центральной России, а также многие приволжские и камские города в это время уже имели правительственных раввинов и молитвенные дома. Исключением являлась Казань, где «более сотни еврейских семейств живут, женятся, рождаются и умирают в полном беззаконии, вследствие отсутствия раввина и какой-либо правильной регистрации». Браки, совершавшиеся среди евреев Казани, являлись по гражданским законам недействительными, т.к. не заносились в метрические книги, соответственно, дети, произошедшие от этих браков, формально считались незаконнорожденными. Казанский полицмейстер находил в этой ситуации назначение казенного раввина и устройство молельного дома даже желательным.

Сложнее складывались отношения общины с православной Епархией, согласие которой в решении вопроса было обязательным. Примечательно, что в официальной переписке властями часто неправомерно и некорректно употреблялся термин «синагога» – не официальное, а общеупотребительное, бытовое название иудейской молельни. Естественно, что оно заведомо вызывало определенное раздражение, как это, в частности, наблюдалось в переписке с казанской консисторией. Именно так, по-видимому, именовалась молельня в запросе из губернского правления, потому что в ответном письме из консистории сообщалось, что она «ни в коем случае не может и не имеет права дать свое согласие на открытие синагоги вообще в г. Казани, а тем более в центре города, как предполагают евреи». Консистория, в конце концов, дала свое согласие. При этом она сочла желательным вынести нынешний молельный дом на Малой Проломной улице (ул. Профсоюзная) на окраину города, хотя и признавала законность его расположения. Губернатор направил прошение министру, считая, однако, что «улучшение условий

быта евреев в гор. Казани повлечет к нежелательному усилению наплыва этого элемента в город», а потому сопроводил просьбу резолюцией «ходатайство евреев ... ввиду изложенных выше соображений полагалось бы не заслуживающим удовлетворения».

В 1897 г. министр выдал разрешение на устройство еврейского молельного дома в Казани. Поиск подходящего участка под строительство, несмотря на множество имевшихся вариантов, затянулся на несколько лет. Властей главным образом беспокоила недостаточная, по их мнению, отдаленность от православных храмов, даже в тех случаях, когда расстояние укладывалось в законодательные рамки. Так, расположение предполагаемого участка на Булаке между двумя православными храмами – Владимирской и Успенской церквями, к тому же в одном квартале с последней, послужило поводом к отказу в разрешении покупки: выражались опасения, что молельня своими размерами затмит церковь. Городские власти со своей стороны предлагали, не прибегая к строительству нового здания, купить более обширные дома на окраинах – Плетенях, Подлужной и Старо-горшечной улицах, представлявшие «то удобство, что отдалены от места расположения православных храмов и устройство в них молельной не может служить поводом к религиозному соблазну».

Участок Абдрахмановой на Большой Варламовской улице в Забулачной части города наконец устроил обе стороны. Проект молельного дома, разработанный в 1901 г. К.С. Олешкевичем, относится к числу неизвестных работ этого видного городского архитектора.

Во внешнем убранстве эклектичного фасада с боковым раскреповками, отмеченными четырехгранными пирамидальными куполами-башенками, присутствовали необычные детали, придававшие облику здания яркий, бросающийся в глаза своей непривычностью вид – маленькие сдвоенные окошки третьего этажа и второго света молельного зала, напоминающие скрижали, звездчатое заполнение круглого окна-розетки над арочным входом с переплетами, усложненными лопастями, многослойные элементы в ограждении кровли и пилястрах.

Получивший одобрение строительного отделения Казанского губернского правления архитектурный облик здания показался однако губернатору вызывающим и слишком явно ассоциирующим с синагогой. Завязавшаяся переписка губернатора с Департаментом духовных дел иностранных исповеданий протекала под грифом «секретно». Губернатор писал: «... принимая во внимание как значительные размеры предполагаемого строения (12 с небольшим метров по улице – Г.Н.), ... так и восточный стиль, придающий зданию особый характер (курсив мой – Г.Н.), считаю своим долгом покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать в

сообщении мне своего по настоящему делу заключения». Министр внутренних дел счел утверждение проекта строительным отделением неправильным – «фасад оной не должен был иметь характерных признаков синагоги и подлежит совершенному упрощению».

Таким образом, несмотря на отсутствие каких-либо официальных предписаний относительно внешнего вида двух имевшихся разновидностей иудейских молелен – синагог и молитвенных домов (школ), власти обоих уровней не готовы были вписать в русский городской пейзаж чуждый («особый», «восточный») образ, хотя вблизи уже располагались иноверческие мусульманские мечети.

Известно, что синагоги не являлись храмами, это были молитвенные дома, где совершались общественные богослужения. Собственно, именно потому для них долгое время не существовало архитектурно-строительных канонов. Понятие молитвенного дома было введено в законодательные документы государственными чиновниками в 1835 г. как средство регулирования, ограничения распространения иудейских молелен, поскольку тип разрешаемой молельни зависел от размера поселения. В конце XIX столетия, когда потребность в зримом выражении конфессиональной принадлежности распространилась и на иудаизм, и в то же время происходило распространение иудейских молелен по всей стране, проблема регламентации приобрела большую остроту. Тогда и стало складываться противопоставление синагог и молитвенных домов по внешнему признаку. Первые могли иметь выраженный восточный характер и значительные размеры, а вторые – нет. Более точные разъяснения относительно вторых были представлены в губернское правление в 1912 г. (!) товарищем министра внутренних дел: «По точному смыслу закона еврейские молельни должны быть устраиваемы в существующих уже и предназначенных для обычного пользования зданиях». Далее добавлялось: «если же по местным условиям представляется необходимым сооружение нового здания для устройства в нем еврейской молельни, то здание это не должно отличаться от обыкновенных построек и отнюдь не иметь по внешнему виду характера еврейского богослужебного здания» и «чтобы на фасаде не было допущено устройство куполов, башен, эмблем или других этого рода украшений».

Возникшей заминкой воспользовался казанский губернатор, вновь написав министру внутренних дел: «... я, со своей стороны, находил бы постройку в Казани особенного здания для молельни излишнею и нежелательной, тем более, что ходатайство евреев в этом направлении вызвано в действительности стремлением их к наибольшей национальной обособленности от местного русского населения». Шел 1904 год.

Происходивший в стране общественный подъем, приведший, как известно, к первой русской революции, требовал от властей решения многих назревших вопросов, в том числе национально-конфессиональных. Новая общественная ситуация благотворно сказалась на решении проблемы казанских евреев. В декабре того же года Департамент духовных дел иностранных исповеданий вдруг признал возможным удовлетворить ходатайство о постройке здания молитвенного дома «ввиду значительного числа проживающих в Казани евреев и тесноте занимаемого ныне молельней наемного помещения».

Таким образом, евреи, наконец, могли приступить к строительству здания молельни. Однако к этому времени часть участка они успели продать, по-видимому, уже не рассчитывая на положительное решение вопроса. Поиск нового участка длился восемь лет – только в 1912 г. было приобретено владение Беленкова на той же Малой Проломной улице, на которой община уже снимала помещение в доме Смоленцева, вызывая недовольство властей. Губернские власти на этот раз не препятствовали покупке участка на этой улице, считая, что она составляла «зады двух улиц – Большой Проломной и Воскресенской, а потому, сравнительно мало населена». Министерство разрешило строительство «с тем, чтобы постройка эта по своим размерам и по внешнему виду не отличалась от обыкновенных городских зданий».

Еврейский молитвенный дом был возведен в 1915 г. Здание в стиле модерн спроектировал губернский инженер Н.М. Андреев (проект также неизвестен исследователям). На его главном фасаде выделялась центральная часть, отмеченная аттиком и двумя подковообразными проемами, один из которых служил въездом во двор, а второй – парадным входом. Сдвоенные маленькие окна на аттике имитировали скрижали, а обрамляющие их декоративные элементы напоминали свитки Торы, рисунок лестничной ограды содержал изображения шестиугольной звезды. Восточные черты более всего проявлялись на скрытом от глаз дворовом фасаде двусветного молельного зала, объем которого располагался перпендикулярно уличному корпусу.

Так завершилась эта длительная история возведения молельни одной из иноверческих общин города, которая продемонстрировала явное сопротивление как со стороны местных, так и столичных властей. Преодолевая это сопротивление на каждом этапе, евреи, в конце концов, добились удовлетворения своих законных прав, хотя на это потребовалось в общей сложности 47 лет. Было разработано 4 проекта (кроме указанных здесь, существовали еще два – с «упрощенным» фасадом для участка на Варламовской улице и с внесенными по техническим причинам изменениями на ул. М. Проломной), рассмотрение которых производилось с особым пристрастием и

сопровождалось обширной перепиской, перепроверено на предмет соответствия законности около десятка городских участков, подано множество прошений. И даже при удовлетворении всех требований решение могло быть принято не в пользу общины без всяких объяснений.

Таким образом, мы видим, что в целом в общественном сознании властей в этот период произошли изменения в пользу некоторого равноправия. Однако древние страхи и предрассудки продолжали определять их настроения, которым всякое послабление в отношении иноверцев представлялось опасным. Переписка с центральной властью по вопросу о казанской синагоге создает впечатление, что местная администрация не вполне была уверена в искренности намерений центральной власти укрепить начала веротерпимости по отношению к евреям, и ответы центра показывают, что эти сомнения не были беспочвенными. Начиная с определенного момента, высшие государственные власти четко осознавали необходимость создания некоторых условий для реализации культовых потребностей неправославных жителей империи. С одной стороны, попытки насильственного крещения показали свою неэффективность по отношению к представителям мировых религий. С другой стороны, начиная с XVIII века, возникла ориентация на европейский опыт относительной веротерпимости. Местные власти (светские и духовные) оказывались в позиции медиума между государством и населением. Выполняя законы и предписания центральных властей, они зачастую чинили больше препятствий, чем эти законы и

предписания предполагали, присоединяясь тем самым к ксенофобии значительной части православного населения и во многом ее инспирируя. Первые попытки формирования архитектурного образа еврейского молитвенного дома в России относят к 1870-м гг. [4]. В начале XX века принятый в этой области храмового строительства вслед за Европой мавританский стиль уже не казался вызывающим. Сложная и временами драматическая история строительства еврейского молельного дома в Казани пришла к благополучному завершению, свидетельствуя, кроме всего прочего, о достижении определенного этапа в эволюции российского общественного сознания.

Литература

1. Нугманова Г.Г. Архитектурно-строительное законодательство Российской империи и храмы иноверческих и неправославных христианских исповеданий Казани / Региональное многообразие архитектуры России. Ред-сост. Г.Г. Нугманова. – М., Казань: НИИТАГ РААСН, АНРТ, 2007. – С. 172-208.
2. Нугманова Г.Г. Иноверцы в Российской империи и этноконфессиональное в архитектуре / Вопросы всеобщей истории архитектуры. – М.: НИИТАГ РААСН, 2009 (в печати).
3. Устав строительный. – СПб., 1857.
4. Кириченко Е.И., Нащокина М.В. Градостроительство России середины XIX – начала XX века / Под ред. Е.И. Кириченко. – М., 2001. – 340 с.